

В просторной хозяйской спальне стояла такая тишина, что слышно было бы, упади на пол иголка.

Чи Юцин замер у края кровати. Сдвинув брови, он напряженно пытался отыскать хоть какую-то зацепку в воспоминаниях прежнего владельца тела, но полученная от того память оставалась отрывочной и неизбежно содержала пробелы.

Сколько парень ни размышлял, он так и не понял, почему Дуань Цзинсянь задал этот вопрос.

Однако мужчина вовсе не выглядел так, будто шутит.

Заметив на лице Юцина растерянность, Цзинсянь всё понял. Хотя он заранее готовил себя к подобному исходу, лёгкий укол разочарования всё же прошёлся по сердцу... Совсем ничего не почувствовать было просто невозможно.

Быстро взяв эмоции под контроль, он аккуратно поправил плюшевого плюшевого панду и произнёс ровным, спокойным голосом:

— Всего лишь игрушка. Не помнишь — и не надо, ничего страшного. Иди отдыхай.

Видя, что старший уходит от темы, Юцин не стал расспрашивать дальше.

Во-первых, не обладая всей полнотой памяти, он рисковал выдать себя при расспросах. Во-вторых — и это было гораздо важнее, — настроение Цзинсяня ощутимо изменилось. В тот короткий миг в его взгляде мелькнула грусть. Неужели с этой пандой связана какая-то печальная история?

Юцину не хотелось бередить чужие раны. Даже если любопытство и разбирало его, сейчас точно был не лучший момент.

Впрочем, прошлые дни остались позади. Главное, что теперь рядом с этим человеком находится он. Раньше его здесь не было, но отныне он никому не позволит заставлять Цзинсяня тосковать или печалиться.

Мысли об отголосках прошлого ничуть не мешали смотреть вперёд.

Ну и что с того, что старший старше него? Нигде не написано, что старший в отношениях обязан лишь отдавать и не имеет права на заботу и баловство.

Если Юцин принимал человека близко к сердцу, то с радостью берег его и баловал.

На этом разговор о панде угас. Честно говоря, парень даже ощутил некоторую облегчённость. Дуань Цзинсянь не отличался открытым или пылким нравом; дворецкий Хэ упоминал, что близких людей вокруг него совсем немного. Поэтому иметь хоть какую-то отдушину на протяжении долгих лет было, в сущности, благом.

Юцин плавно и глубоко вздохнул, соображая, как перевести тему. Стоило его взгляду упасть на Цзинсяня, как нужная мысль родилась сама собой.

Мужчина был одет в тёмно-синюю шёлковую пижаму. В тёплом свете ночника этот насыщенный глубокий цвет делал его фарфорово-холодную кожу ещё более нежной и светлой, придавая всему образу умиротворённую, сдержанную мягкость. От него веяло удивительным покровом спокойствия.

Слегка наклонившись ближе, парень улыбнулся и тихо проговорил:

— Ладно, я пойду спать. До завтрашнего утра! С нетерпением жду экскурсии по твоей мастерской, дядя.

Цзинсянь едва заметно кивнул, ощущая, как внутреннее напряжение постепенно спадает под звучание этого мягкого голоса. Хорошо, что юноша не стал допытываться — зайдя разговор дальше, мужчина не был уверен, что сумеет сохранить всё в тайне.

Юцин улыбнулся и выпрямился.

— Тогда я пошёл. Доброй ночи, дядя.

— Доброй ночи.

Юцин повернулся и направился к выходу, но у самого дверного проёма обернулся. Его взгляд без труда встретился с тёплым взглядом Цзинсяня. Изогнув бровь, парень понизил голос, придавая тону особую, невероятно интимную интонацию.

Он тихо ухмыльнулся:

— Этот цвет... тебе безумно идёт.

С этими словами он покинул спальню.

Оказавшись за дверью, парень на мгновение замер. В полумраке коридора в его глазах блеснули тёмные, невидимые миру омуты.

На этой белоснежной, утончённой коже, оттенённой тёмным шёлком... если бы на ней появились иные следы, она смотрелась бы ещё прекраснее.

Чем чище и недостижимее кажется объект, тем сильнее желание оставить на нём собственный отпечаток. Овладеть им без остатка, сделать так, чтобы он принадлежал только тебе. Юцин страстно хотел стать для него кем-то исключительным. Единственным. Незаменимым.

В комнате Дуань Цзинсянь на какое-то время погрузился в замешательство.

Цвет пижамы?

С чего вдруг Чи Юцин обратил на это внимание? Впрочем... Мужчина задумчиво прищурился. Раз парень так сказал, значит, ему действительно нравится этот оттенок? Возможно, стоит сшить на заказ пару тёмно-синих деловых костюмов?

Да, это решение следовало внести в планы без промедления.

Выяснив всё и облегчив душу, Юцин почувствовал полное умиротворение. Вернувшись к себе, он не стал засиживаться допоздна — для него привычка ложиться в два-три часа ночи вовсе не считалась задержкой, но ради того, чтобы позавтракать вместе с Цзинсянем, он готов был отправиться в постель пораньше.

Завтра предстояло одержать нелёгкую победу над собственным желанием поспать подольше!

Следующим утром благодаря упорству будильника юноша всё-таки заставил себя подняться. Помянув недобрым словом прошлый опыт, он сразу отправился в душ, смыв остатки сна и вернув себе бодрость духа.

После завтрака он вслед за Цзинсянем прошёл в живописную мастерскую. Увидев выставленные там полотна, Юцин слегка удивился, хотя, если подумать, всё выглядело вполне естественным.

Большинство работ составляла живопись маслом, хотя встречалась и традиционная китайская графика. Общая гамма дышала светом и теплом. Даже выполненные тушью пейзажи казались изысканными и утончёнными, без ни единой нотки мрака или тоски. Это точь-точь соответствовало натуре самого Цзинсяня: с виду холодный и остроугольный, внутри он оставался чутким и мягким.

Замечательный человек.

Не скупясь на похвалу, Юцин с искренней улыбкой произнёс:

— Эти картины великолепны. Каждая хороша по-своему! Я не слишком разбираюсь в искусстве, но ведь главное — чтобы смотря на вещь, ты чувствовал радость, правда? Честно говоря... дядя, у меня сейчас разыграется мучительный выбор. Что делать, если мне хочется забрать всё?

Цзинсянь мельком посмотрел на юношу:

— Такой жадный?

— Ага.

— Отдать их все тебе — задача невыполнимая. Всё зависит от того, как ты себя покажешь.

— Без проблем! Только наблюдай, дядя.

Юцин весело согласился, ощущая, как в груди словно распустилась охапка воздушных шаров, уносящих настроение куда-то ввысь. Старший на словах назвал его жадным, но что под этим подразумевалось на самом деле?

Нужно уметь читать между строк!

Обойдя мастерскую ещё раз, парень остановил выбор на картине с котами, греющимися в лучах полуденного солнца. Две пушистые тушки лениво нежились в тепле — зрелище выглядело невероятно милым и умиротворяющим.

Когда полотно упаковали, Юцин отказался от помощи дворецкого. Он сам аккуратно понёс картину и уложил её на заднее сиденье автомобиля прямо рядом с собой. Неподдельный восторг так и светился в каждом его движении. К тому же его студия находилась совсем рядом с офисом Корпорации Дуань — стоит лишь перестать просыпаться, и он сможет каждое утро ездить на работу вместе с Цзинсянем!

Разве это не лишнее время для общения?

Ради ухаживаний он готов на такие жертвы... А сон вполне может подождать.

Цзинсянь бросил взгляд на сидящего рядом парня. До самых кончиков волос от того веяло отличным настроением. Всего одна картина... Ему так легко угодить.

Мужчина решил, что ему всё ещё нужно стараться лучше.

Подъехав к небоскрёбу Дуань, Чжао Хуэй припарковался у тротуара, чтобы Чи Юцин мог выйти, однако парень вовсе не спешил покидать салон.

Забрав свои вещи, Юцин повернулся к Цзинсяню:

— Ты сильно занят этим утром? Если нет, не хочешь подняться ко мне в кабинет? Заодно своими глазами увидишь, куда я повешу картину.

Цзинсянь с готовностью согласился — никаких срочных дел у него не намечалось.

Привыкнув приходить на работу заранее, попробовать спонтанно «задержаться» казалось приятным разнообразием. Студию «Ясный день» после её официального открытия он ещё не посещал, особенно кабинет самого Юцина.

Мужчина велел Чжао Хуэю уезжать и не ждать его — до собственного офиса он потом дойдёт пешком. Как и говорил Юцин, там было всего пара минут ходьбы.

Очень удобно.

Они вместе поднялись наверх. Юцин шёл лёгким, стремительным шагом. Проведя Цзинсяня внутрь, он бегло представил его сотрудникам. Раскрывать подробности парень не стал, зная, что его «дядя» — человек не из тех, кто мгновенно сходится с незнакомцами. Пусть всё идёт своим чередом.

Войдя в кабинет, Юцин предложил гостю располагаться поудобнее, а сам принялся снимать со стены прежнее украшение.

Цзинсянь скользнул взглядом по юноше, а затем осмотрелся. Просторное помещение было оформлено в ультрасовременном стиле. Огромное панорамное окно наполняло пространство светом, а рядом с книжными стеллажами всю стену занимали полки с разнообразными фигурами и коллекционными моделями.

Рабочий стол поражал мощью: несколько мониторов, расположенных горизонтально и вертикально, ноутбук и планшет.

Прежний Чи Юцин совершенно не разбирался в подобной технике, текущий же владел всем этим с отточенным совершенством. Очевидно, тайком учился? Иначе это никак не укладывалось в логическую цепочку.

Впрочем, Цзинсянь не желал глубоко над этим задумываться. Человеческий мозг и сознание

всё равно не были до конца изучены современной наукой; кто знает, вдруг человек способен неосознанно учиться даже во сне?

В этом мире вообще не чему удивляться.

Пока он пребывал в раздумьях, Юцин уже аккуратно водрузил масляную картину с котами на стену. Цзинсянь поднял глаза: прижавшиеся друг к другу рыжий и чёрно-белый коты дышали яркостью и теплом. Хотя стиль полотна отличался от хайтековой обстановки кабинета, они удивительно органично совпали, став живописным акцентом всего помещения.

Осмотрев работу со всех сторон, Юцин остался абсолютно доволен. Взяв Цзинсяня за запястье, он провёл его за рабочий стол и лёгким жестом указал на своё кресло:

— Присядь, оцени вид отсюда?

Цзинсянь не стал отказываться. Обычно, когда люди приходили в Корпорацию Дуань на переговоры, будь то в его кабинете или в конференц-зале, у него всегда имелось строго отведённое место. Мужчина не любил пользоваться чужой мебелью или садиться за чужие столы.

Но сейчас ощущение казалось непривычно свежим.

Окинув взглядом Юцина, развернувшего к нему кресло, он плавно опустил сиденье. Повернувшись к столу, Цзинсянь поднял взор и сразу встретился с повешенной на стене картиной.

Угол обзора был безупречен.

Юцин перекинулся через спинку кресла, приняв вальяжную позу. Его голос звучал свободно и беспечно:

— Стоит мне устать от компьютерных экранов, я подниму глаза, увижу эту картину, и настроение сразу поднимется. Котики — это так, так мило.

Цзинсянь сдержанно заметил:

— В качестве яркого штриха смотрится и впрямь неплохо.

— Вот именно!

Сведя взгляд с картины, Цзинсянь случайно заметил на столе круглую баночку. Небольшая

металлическая коробочка с иностранными надписями содержала ассорти из фруктовых леденцов.

При виде неё он кое-что вспомнил:

— Тётушка Цзян упоминала, что ты очень любишь сладости. Вы с ней отлично полладили, и она хвалила твоё умение ценить её кулинарный талант.

Ещё одна привычка, которой раньше у Юцина не наблюдалось.

Юцин лёгким движением поправил плечи, проследив за взглядом Цзинсяня, и тут же заметил жестяную баночку.

Обойдя стол, он взялся за коробочку и опёрся бедром о край столешницы. Открыв крышку, парень протянул сладости мужчине и тихо с лёгким смешком произнёс:

— Иногда немного сладкого помогает отлично снять стресс. Настоящий генератор дофамина. Попробуешь, дядя?

Цзинсянь ответил не сразу. Десерты совсем не вписывались в его рацион; он не считал, что избыток сахара способен принести организму хоть какую-то пользу, кроме резкого прыжка глюкозы.

Настоящую ценность для него представляла реальность, а не иллюзорная радость от сахарного дофамина.

Яркие мыльные пузыри выглядели превосходно, но всегда лопались. Лишь то, что крепко зажато в кулаке, можно считать надёжным. И всё же... за годы долгого, тягучего ожидания он и сам не раз предавался несбыточным грёзам, за кратким мигот утешения в которых неизбежно следовала лишь ещё более глубокая безысходность.

Он умел управлять многими вещами, но перед самым желанным оставался абсолютно бессилен.

Пока мысли Цзинсяня витали где-то далеко, чуткое прикосновение к губам вернуло его к реальности. Фокусируя взгляд, он чётко разглядел лёгкую тень недовольства на лице стоящего перед ним юноши.

Юцин тихонько проворчал:

— Я тут с ним разговариваю, а он опять витает в облаках. Я что, настолько скучный?

— Нет...

Договорить Цзинсянь не успел. К его губам была прижата круглая фруктовая конфетка, удерживаемая пальцами Юцина.

От них исходило отчетливое, живое тепло чужого тела, перемешанное с едва уловимым, свежим ароматом фруктовой сладости.

Взгляды пересеклись. Свет в глазах Юцина стремительно погружался в тёмную, неисследованную глубину, пока парень пристально вглядывался в тонкие, бледные губы старшего...

<http://bllate.org/book/20021/1991459>